

Кучубяра. - 2005. -
6-12 окт. - с. 10

Speak, Memory

“Trauma Natalis” Игоря Захарова-Росса в ГЦСИ

готовность мобилизовать свои интеллектуальные ресурсы и вести диалог с художником в том регистре, который тот избрал. Не всегда, что греха таить, такой диалог продуктивен: прежде всего надо, чтобы автору было что сказать, дабы зритель ему поверил. На этот раз по выставке ходишь, пусть и не сразу постигая замысел (все-таки лексикон Захарова, явно познавшего все тонкости искусства современности, мастерски владеющего новыми арт-технологиями, для дешифровки весьма непрост), но кожей ощущая: да, этому художнику можно верить, и к российскому зрителю он пришел не с пустыми руками.

Но с чем приехал в Россию Захаров-Росс, некогда активный участник движения ленинградских неконформистов, организатор неофициальных выставок и художественных акций, за что в 1978-м был лишен советского гражданства и выслан из СССР? Какой творческий метод избрал человек, показывавший свои работы на Венецианской биеннале, в Институте современного искусства Лондона, на кассельской “Документе” и прочих престижных смотрях актуального искусства? Выясняется, что современный художник может обойтись минимальными средствами: пленка с нарезкой из старых фотографий и документальных фильмов, несколько мониторов, большие экраны, несколько крупных и маленьких принтов и... отшлифованный собственный рукой кусочек угля. (Почему вдруг уголь, спросите вы, заметив блок графита – крохотный подвесной объект – перед одним из экранов. Ответ не лежит на поверхности, но вытекает из мировоззрения автора: согласно его концепции, уголь – животворная материя и “бриллиант энергии”, некий созданный самим художником метеорит – содержит в себе истоки мироздания, куда включен и сам

человек; кристалл графита вбирает в себя энергию планеты и готов снова отдать ее человеку, участвуя в непрерывном процессе формирования жизни.)

Главное, чтобы эти элементы мысленной конструкции, эти “кирпичики мироздания”, или, скорее, обломки ушедшей эпохи были прочно связаны между собой некоей идеей, которую зрителю удастся “считать” не сразу, в мгновение ока, но после некоторого усилия, после мобилизации себя на понимание и сострадание. Впрочем, разве можно беззаботно щебетать и через пять минут переключаться на совсем другие дела, когда речь идет о последствиях ключевого события прошлого столетия – Второй мировой? Уже в самом названии проекта – “TRAUMA NATALIS” (что в переводе с латыни означает “родовая травма” и может служить диагнозом не одному послевоенному поколению) – звучит боль физическая и душевная, которую надо испытать, перебороть и изжить. Для того чтобы историческая память о страшной войне помогла осознать важнейшее, что существует во вселенной, – жизнь в ее непрерывном созидательном потоке. Эту память художник доносит до нас практически без слов, с помощью визуальных образов, обладающих целостностью и универсализмом. Хотя есть и моменты, когда без русского языка и знания национальной истории не обойтись.

В затемненном зале нового здания ГЦСИ, бывшем заводском цехе, Захаров-Росс выстроил сложную, многочастную инсталляцию, где лишь изредка вспыхивает красным (пожар? кровь? знамя?) один из щитов да на экранах мелькают или, наоборот, застывают черно-белые кадры, иногда переходящие в сепию. В первом видеоролике, этакой прелюдии к основной экспозиции, мы видим женские

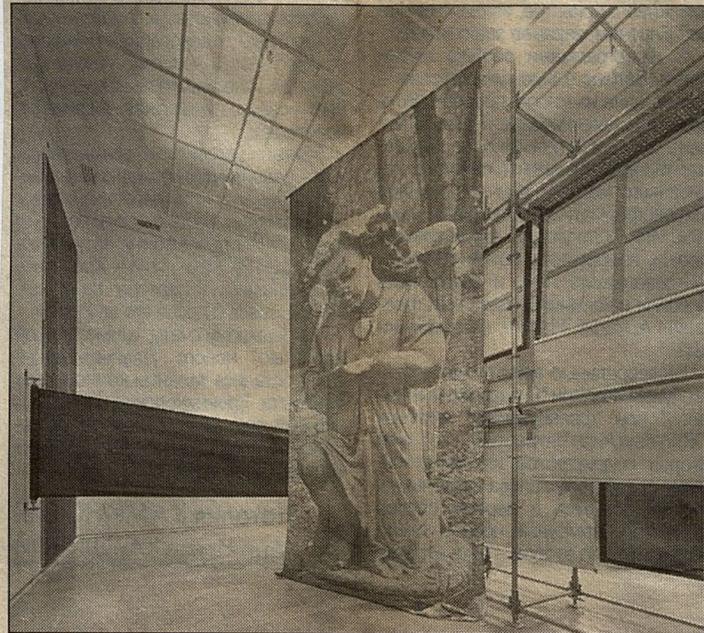
луки, отмывающие зеленый древесный лист. Здесь художник касается золнующей его экологической темы – он последовательно разрабатывает экологию единой истории и культуры. И листок, этот символ жизни, энергично моет, очищает от прилипшей грязи, а потом в безысходности рвет немецкая девочка, считающая за кадром до семи (число сакральное для многих культур!). Мгновенно возникает переключка – в соседнем зале мы услышим счет в обратном порядке, от 21 до единицы и уже по-русски: по лестнице, считая ступеньки, поднимается девочка из блокадного Ленинграда. Но и 21 – не просто число, а дата: последний день перед войной оживает на экране в фигурах мальчишек, радостно играющих в футбол, а потом внезапно изображение сминается, исчезает в сумятице, нечеловеческом гуле – наступил следующий день, трагический для России. Снятую любительской камерой группу детсадовцев на прогулке, в одинаковых белых шапочках, сменяет фотография еще одной девочки, сидящей за партой, и единственная примета, что врывается в память, – шестиконечная звезда на рукаве...

Но не только война довлечет над человеком, подобно Игорю Захарову-Россу, рожденному в конце 1940-х. “В границах его визуальной системы история предстает как глубоко личный феномен, – комментирует куратор проекта Виталий Пацкоков. – Захаров-Росс открывает в ее пространствах неизбежность человеческого рода, его метаморфозы и формы экзистенции в самых предельных состояниях, ту историческую горизонталь, где способны выстраиваться любые историко-социальные конструкции в образе согласия и единства”. Подтверждение тому – ткацкий станок, возникающий еще на одном экране (это не парк, а сам человек и окру-

жающий его мир ткнут пряжу судьбы, индивидуальной и всеобщей). А еще бревенчатая изба, по которой мужеленно скользит видеокамера: это русский дом, построенный за пределами России, под Кельном, где живет Захаров, сюда он приглашает поразотать художников с покинутой, но незабытой Родины. Мастер создал эту малую модель мироздания в виде дома, чтобы соотечественники ощущали себя в естественной среде, где “русское” – не этнография или фольклор, а органичный мир, воплощенный в бревенчатых стенах. По мере вхождения в этот дом, доступный и нам через видео, природная “материя творчества” развивается подобно живой структуре, динамично изменяя фактуру, цвета и формы, вращая в реальность. Проект “TRAUMA NATALIS” из рассказа о Второй мировой войне, обладающей многослойностью и особой драматургией, из исторической рефлексии, где на равных работают и традиционные методы искусства, и новейшие (объект, инсталляция, видеарт и интерактивная образность), постепенно перерастает в дневник художника. Здесь личное переживание транслируется в универсальное, а “родовая травма” становится не только собственной болью автора, но и болью всего поколения, рожденного после 1945 года.

Выставка организована в рамках программы ГЦСИ “Концепции, стратегии, технологии” и стала, по сути, мастер-классом, где показаны возможности работы с новыми технологиями. В то же время, продолжая традиции русских и европейских конструктивистов, И. Захаров-Росс соединил простые вещи, порой разбивая их на атомы, в образы истории, готовые активно взаимодействовать, чтобы поддержать “вселенский” диалог.

Елена ШИРОЯН

“Голубой ангел”

Нынешней весной важнейшей темой выставок, журналистами прозванных “датскими”, в музеях и даже частных галереях была война: праздновалось 60-летие победы в Великой Отечественной. Не прошло и полгода, как все об этом забыли – осталась лишь превосходная по качеству и вневременная по смыслу, но единственная экспозиция “Археология войны” в Пушкинском музее. Нужно было, чтобы за границами России нашелся художник, способный напомнить о том, что даже на уровне подосознания неотступно следует за многими из нас – не только россиянами, но европейцами, или, как модно говорить, представителями евроатлантической цивилизации. Этот художник – живущий в Германии, выставляющийся на

пространстве от Вены до Нью-Йорка и от Копенгагена до Иерусалима Игорь Захаров-Росс. Свою персональную выставку “Trauma Natalis. 1945 – 2005” в Государственном центре современного искусства он посвятил дате, не слишком замеченной в России, но значимой для мира в целом, – 60-летию окончания Второй мировой войны.

Направляясь в ГЦСИ, следует заранее настроиться на то, чтобы не ждать эстетических наслаждений. Правда, в этом пространстве живописные утки глазу вообще случаются крайне редко: здесь говорят на языке актуального искусства, а он способен озадачить, ошарашить новичка. Этот язык рассчитан на толерантность воспринимающего, на его